

УДК 72(07)

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА КАК ПРЕДИКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.В. Федоров, М.В. Федоров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проблему утверждения городской идентичности предлагается рассматривать в диапазоне от характера проявления образов идентичности в общественном сознании до практических приемов ревитализации «ухаживающей природы». Архитектурные памятники берутся как компонент потенциала развития современного города. Констатируется, что в практическом плане значение архитектурной среды обусловлено не количеством и техническими параметрами зданий и сооружений, а их ролью в системе социального бытия. Архитектура как многоуровневая знаковая система надстраивается над реальностью. Существование архитектурного объекта – интерпретируемое событие, смысл которого определяется социумом и индивидом. Руинированное состояние элементов городской застройки оценивается как один из этапов их жизненного цикла. Анализируются ключевые факторы руинирования – технический и функциональный износ, ошибки проектирования и возведения зданий и сооружений, результат стихийных бедствий и боевых действий, неспособности соответствовать основной функции. Показано, что частично или полностью утраченные объекты могут быть замещены «призрачной» архитектурой (макетами, выполненными в новых материалах и по новым технологиям). Контаминация «виртуальных» руин, приемов реновации застройки и формирования массового сознания оценивается как возможность ревитализации архитектурной среды.

Ключевые слова: *архитектурная среда, городская идентичность, руины, «призрачная» архитектура, архитектурные символы, визуальная семиотика.*

Феномен городской идентичности – отождествления себя с конкретным местом, культурой, группой, деятельностью и т. д. – может рассматриваться как предельно личностный вариант образа города. Подобное профанное представление зависит от характера городской среды, а также от индивидуальных ценностей и опыта человека. В рамках теории отражения (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов и др.), психосемантики (А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков, В.П. Серкин и др.) или когнитивной психологии (Ч. Осгуд, Дж. Келли, У. Найссер, Р.Л. Солсо, И. Бидерман, Й. Хоффман, Ж.-Ф. Ле Ни, А. Пайвио и др.) образ города предстает как продукт перцептивной и мыслительной деятельности. Он включает раз-

номодальные по происхождению (зрительные, аудиальные, кинестетические и т. д.) компоненты.

Обретая «почву под ногами», индивид формирует свой собственный набор предикторов архитектурно-ландшафтной идентичности. Городские достопримечательности присутствуют в нем, но не меньшую роль играют «заурядные вещи», бесконечно важные, участливые только для данного человека, открывающие особое пространство взаимодействия сознания с его архаической формой и бессознательным. При этом представление о городской идентичности не подменяет образ города и не «растворяется в нем», а релевантно личности субъекта восприятия.

Таким образом, текущее состояние городской (архитектурно-ландшафтной) среды является прогностическим параметром возможного образа города и городской идентичности. В самом примитивном толковании они определяются совокупностью достопримечательностей (архитектурных объектов, ландшафтов, мест, вещей, заслуживающих особого внимания, являющихся историческим наследием или художественной ценностью). «Первый» образ города, который формируется, например, у членов туристической группы, впервые оказавшихся в нем, обладает очевидной общностью, включает «традиционный» для данного места набор достопримечательностей. Это результат восприятия одних и тех же объектов (например, предлагаемых планом экскурсии), и лишь со временем он усложняется, индивидуализируется, приобретает неповторимые черты.

Оперирование понятием «городская идентичность» (интуитивно ясных отношений близости/принадлежности данному топосу) переносит сознание субъекта восприятия на понятийную территорию социальной философии, психологии, культурологии. Как междисциплинарная проблема, она находится в зоне их контаминации, непрерывно актуализируется динамикой становления и содержания, а также диахронии адаптации человека к своим «городским» ролям. При этом ментальность (массовое сознание в определенном пространственно-историческом контексте) является важнейшим компонентом этой системы. Соответственно архитектурно-ландшафтная идентичность является составным элементом социальной идентичности современных горожан наряду с гендерной, этнической, возрастной и профессиональной идентичностями. Относительная новизна понятия и его неоднозначность проявляются в том, что в центре внимания находятся как вопросы человеческого восприятия и понимания городской среды [1], так и ее предметно-пространственного наполнения (средовые компоненты и характеристики) [2– 5].

Менталитет жителя крупного города (в отличие от жителей малых населенных мест) в большей степени характеризуется противоречивостью базовых убеждений, прагматизмом, рационализмом, нередко весьма размытыми представлениями об относительности добра и зла,

приоритетом индивидуалистического начала. Колоссальный размер архитектурных пространств и ансамблей, их удаленность от центров упорядочения селитбы и мест приложения труда порождают множественность городских ориентиров (достопримечательностей и символов города), распределенных по территории поселения. Социологические исследования процессов становления городской идентичности свидетельствуют, что количество наиболее значимых для горожан объектов (включая отраженные в их сознании исторические события) не обладает сильной положительной корреляцией с масштабом города, остается относительно постоянным [5–8]. Например, для областных центров европейской части Российской Федерации с населением от 250 до 750 тыс. чел. перечень наиболее значимых достопримечательностей практически не превышает 10 позиций для каждого города (это преимущественно храмы и исторические здания).

Неповторимый облик – важная составляющая интегрального потенциала развития современного города. Его аутентичная архитектурная среда (степень сохранения замысла зодчего, материалов, контекста, характера использования и пр.) [8; 9] и мифосимволический капитал [10] являются важным конкурентным преимуществом поселения. Отсюда актуальность рассмотрения города как «структуры и взаимодействия знаков и знаковых систем, раскрывающих проблемы, которые в коммуникативных процессах ведут через интерпретацию культурных явлений к прояснению феномена социального бытия» [11]. Архитектурная среда – «вторая природа» – возникает естественным образом, но раскрывается как многоуровневая знаковая система, мифология которой надстраивается над реальностью.

Социальное бытие переменчиво, и некоторым зданиям и сооружениям судьбой уготовано стать общепринятым знаком/символом. Происходит это не в силу технических параметров архитектурного объекта, а исключительно из-за особенностей его «употребления» в обществе. Существование архитектуры – публично интерпретируемое событие, смысл которого определяется социумом и индивидом. При этом и способ построения знаковых конструкций (синтаксис архитектурного текста), и отношение знаков к обозначаемым объектам (семантика архитектурного текста) являются лишь средством обеспечения коммуникации в социуме [1; 12]. В исторических центрах российских городов из-за перманентного дефицита городского бюджета, высокого физического износа зданий и хронического отсутствия инвесторов постоянно увеличивается количество разрушающихся архитектурных памятников. В современной России муниципальные образования часто экономически неспособны отбирать и поддерживать в приемлемом состоянии руинирующиеся объекты даже опорного фонда.

Интенсивность переживания городской идентичности в минимальной степени зависит от технического или функционального состоя-

ния воплощающей ее архитектурно-ландшафтной среды, которая неизбежно меняется, но сохраняет основные элементы своей семантики, порождающей устойчивый эмоциональный отклик. В таком контексте семиотические горизонты утверждения городской идентичности должны рассматриваться в самом широком плане – от характера проявления образов идентичности в общественном сознании (мера доминирования, важнейшие референтные группы самоидентификации, культурные механизмы развития) [13] до практических приемов ревитализации «уходящей природы» (реставрация, макетирование, появление «призрачной» архитектуры и пр.) [14].

В этой противоречивой ситуации (множества доводов в пользу сноса или восстановления) прорисовывается потенциальная возможность утверждения городской идентичности среди прочего и методами архитектурного макетирования. Например, краткосрочное обертывание объектов тканью или возведение объектов «призрачной» (иллюзорной, метафизической, виртуальной) архитектуры. В мире сформировалась очевидная тенденция создания «призрачных» копий (макетов) руинированных и даже безвозвратно утраченных архитектурных шедевров, которые в новой ипостаси предстают в виде металлического каркаса, обтянутого металлической сеткой (результаты напоминают голограммы или акварельные наброски). Подобные абстракции все чаще появляются на улицах современных крупных городов, в респектабельных интерьерах универмагов, на выставках, ярмарках и т. д. Причем время их существования измеряется как днями, так и годами.

В процессе расширения семиотических горизонтов архитектурной среды с помощью подобных приемов существующие архитектурные знаки/символы на время исключаются из социальной действительности. Временная «подмена» знака не исключает привычную семантику, а лишь отчасти ее деформирует, «расшатывая» массовое сознание. Четыре башни построенного на исходе XIX в. здания рейхстага изначально были очевидным символом единого немецкого государства (Пруссия, Саксония, Бавария и Вюртемберг). Новое здание бундестага (1990-х гг.), по сути, такой же символ и одновременно исторический макет, импровизация на тему первого здания рейхстага. Но семиотический потенциал объекта этим не исчерпан. В 1995 г. здание на короткое время было «упаковано» в ткань и предстало как один из первых примеров «призрачной» архитектуры.

Утрата исторически значимых архитектурных ансамблей неизбежна хотя бы в силу их огромного количества и быстро увеличивающегося износа. Например, на территории только Тверской области расположено более двухсот руинированных дворянских усадеб XIX в.: от маленьких особняков до больших дворцов с огромными парками. Большая часть этих зданий находится в аварийном состоянии, а есть еще огромное количество памятников церковной и промышленной ар-

хитектуры... В общем случае многообразие архитектурных руин может быть представлено следующей типологией.

1. *Исторические руины.* Представляют собой «продукт времени» (неизбежного физического износа), реже – результат ошибок проектирования, возведения или эксплуатации зданий и сооружений, а также стихийных бедствий или боевых действий. Их потенциальная художественно-эстетическая и смысловая неисчерпаемость связана с возможностью оценки как шедевра – максимально возможного, когда-то реализованного, но сейчас не вполне очевидного совершенства.

2. *«Новые» руины.* Имитация исторических руин в пейзажных парках и современной застройке для воссоздания ландшафтных видов и атмосферы прошлого, олицетворения торжества сил природы и тщетности усилий человека. «Новые» руины часто наделяются какой-то важной утилитарной функцией – выделения зон различного назначения, зрительной изоляции или затенения части архитектурного пространства и пр.

3. *Руины функциональной деградации.* Результат превращения зданий и сооружений очень высокого и полностью не утраченного качества (архитектурного проектирования, строительства, использованных материалов и пр.) в руины. Потеря функционального назначения и невозможность надления объекта новой функцией. (Лофт-архитектура – пример противоположного свойства.)

4. *Перспективные руины.* Различные формы представления потенциально возможного вида архитектурных объектов в обозримом будущем (в форме литературного текста, живописного полотна, макета, компьютерной графики и пр.), на завершающем этапе их жизненного цикла.

5. *«Призрачные» (иллюзорные, виртуальные, метафизические) руины.* Итог осознанного разведения плана выражения и плана содержания вновь возводимого объекта (семиотическое коннотирование, воспроизведение частично или полностью утраченного объекта, без деталей, в общих чертах, в новых материалах). По сути – результат макетирования исчезнувших объектов или гипотетических руин в утилитарных целях.

Внутреннее пространство реализованных объектов «призрачной» архитектуры иногда символически наполнено фигурами людей или крупных птиц, выполненных в той же технике, что и само здание. И если речь идет о парковых пространствах или туристических объектах, то подобное решение представляется вполне достаточным. Но в ткани плотной городской застройки внутреннее пространство объектов призрачной архитектуры может быть использовано более рационально, утилитарно заполнено с минимальными семиотическими потерями. Объект, который может быть помещен во внутреннее пространство «полупрозрачного» здания-призрака, должен:

1. Иметь габариты и контуры, которые в основных чертах повторяют абрис «призрака», но лишь частично заполняют его внутреннее пространство.

2. Сохранять цвет и фактуру наружных ограждающих конструкций, гармонирующих с «призраком» в любых условиях погоды, времени суток и ночного освещения.

3. Обеспечивать протекание нового функционального процесса, не требующего больших оконных проемов (естественного освещения и инсоляции).

Это могут быть архивы, картинные галереи, музейные залы, центры хранения и обработки данных, здания/сооружения для хостинга серверного и сетевого оборудования, подключения абонентов к каналам сети и т. п. С точки зрения семиотики и традиционная, и «призрачная» архитектурная среда представляет собой совокупность знаков. Взаимодополняющими полюсами восприятия выступают: а) ценностно-смысловое содержание; б) баланс между упорядоченностью и разнообразием; в) сиюминутное впечатление и соотнесение его с временным планом и пр. Особенность «призрачной» архитектуры – отказ от традиционно важных семантических моментов – истории возведения, привязки к историческим событиям и персонажам, доминирования факторов рациональности и эффективности функционирования.

Акцент смещается на утверждение в массовом сознании нового урбанистического конструкта (элемента городской идентичности) – макета исторического памятника. Предлагаемое решение предметно-пространственного наполнения объектов «призрачной» архитектуры новыми объектами существенно раздвигает горизонты ревитализации городской среды. Многоплановое взаимодействие индивида с топосом с позиций городской идентичности означает «деятельное участие, сила сочувствия, выдержанная во времени» [15]. С одной стороны, в основных чертах сохраняется (отчасти трансформируется) семантика существовавшей городской среды, с другой – открываются новые перспективы привлечения туристов и инвесторов со всеми очевидными позитивными последствиями для судьбы архитектурного объекта и населенного места в целом.

Список литературы

1. Федоров В.В. Архитектурный текст: Очерки восприятия и понимания городской среды. М.: ЛЕНАНД, 2016. 224 с.
2. Скалкин А.А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. № 2(43). С. 87 – 93 [Электронный ресурс]. URL: <http://marchi.ru/2018/2kvart18/05>. (дата обращения: 12.09.2019).

3. Глазычев В.Л. Городская среда, экологическое сознание и любовь к геометрии // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 4. С. 48–51.
4. Голосова, Н.Е. Экопсихологический подход к вопросу о социальной идентификации личности // 2-я Рос. конф. по экологической психологии: тез. (Москва, 12 – 14 апреля 2000 г.). М.; Самара: Изд-во МГППИ, 2001. С. 184–186.
5. Федоров В.В., Федоров М.В., Левиков А.В. Семиотические горизонты становления городской идентичности методами ревитализации архитектурной среды // Материалы 3-ей Международной научной конференции по визуальной антропологии (Великий Новгород, 28 – 30 августа 2019 г.). С. 212–217. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novsu.ru/VisualAnthropology>. (дата обращения: 21.09.2019).
6. Иванова Т.В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара: Изд-во СамЦентр РАН, 2003. 198 с.
7. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: автореф. дис. ... к.психол.н. М., 2008. 29 с.
8. Заславская А.Ю. Сохранение аутентичности исторической городской среды // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2(3). С. 742–747.
9. Согомонов А. Ю. Современный город: стратегия идентичности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>. (дата обращения: 26.02.2019).
10. Федоров В.В. Мифосимволизм архитектуры. М.: КомКнига, 2009. 264 с.
11. Аймермахе, К. Знак. Текст. Культура. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 344 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 416 с.
13. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018. 48 с.
14. Тресольди Эдоардо: призрачная архитектура [Электронный ресурс] // URL: www.elledcoration.ru/news/architecture/edoardo-tresoldi-prizrachnaya-arhitektura. (дата обращения: 26.02.2019).
15. Савчук, В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012. 384 с.

ARCHITECTURAL ENVIRONMENT AS A PREDICTOR OF URBAN IDENTITY FORMATION

V.V. Fedorov, M.V. Fedorov

Tver State Technical University, Tver

The problem of urban identity formation is considered as represented by a wide range of phenomena – from the nature of the manifestation of identity images in the public consciousness to the practical methods of revitalization of the «outgoing nature». Architectural monuments are taken as a component of the contemporary city potential development. In practical terms, the importance of the architectural environment is not the outcome of the number and technical parameters of buildings and structures, but is conditioned by their role in the system of social life. Architecture is a multi-level sign system superimposed on reality. The existence of an architectural object is an interpreted event, the meaning of which is determined by the society and the individual. The ruined state of the elements of urban development should be assessed as one of the stages of their life cycle. The key factors of ruin-technical and functional wearout, errors in design and construction of buildings and structures, the results of natural disasters and hostilities, the inability to comply with the main function are analyzed. It is revealed that partially or completely lost objects can be replaced by «Ghost» architecture (models made in new materials and new technologies). Contamination of «virtual» ruins, techniques of renovation of buildings, and formation of mass consciousness is estimated as a possibility of revitalization of the architectural environment.

Keywords: *architectural environment, urban identity, ruins, «Ghost» art architecture, architectural symbols, visual semiotics.*

Об авторах:

ФЁДОРОВ Виктор Владимирович – профессор, доктор культурологии, профессор кафедры конструкций и сооружений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

ФЁДОРОВ Михаил Викторович – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

Authors information:

FEDOROV Viktor Vladimirovich – PhD (Cultural studies), Professor of the Department of structures and structures, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

FEDOROV Mikhail Viktorovich – PhD, Associate Professor, Associate Professor, Department of management, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru